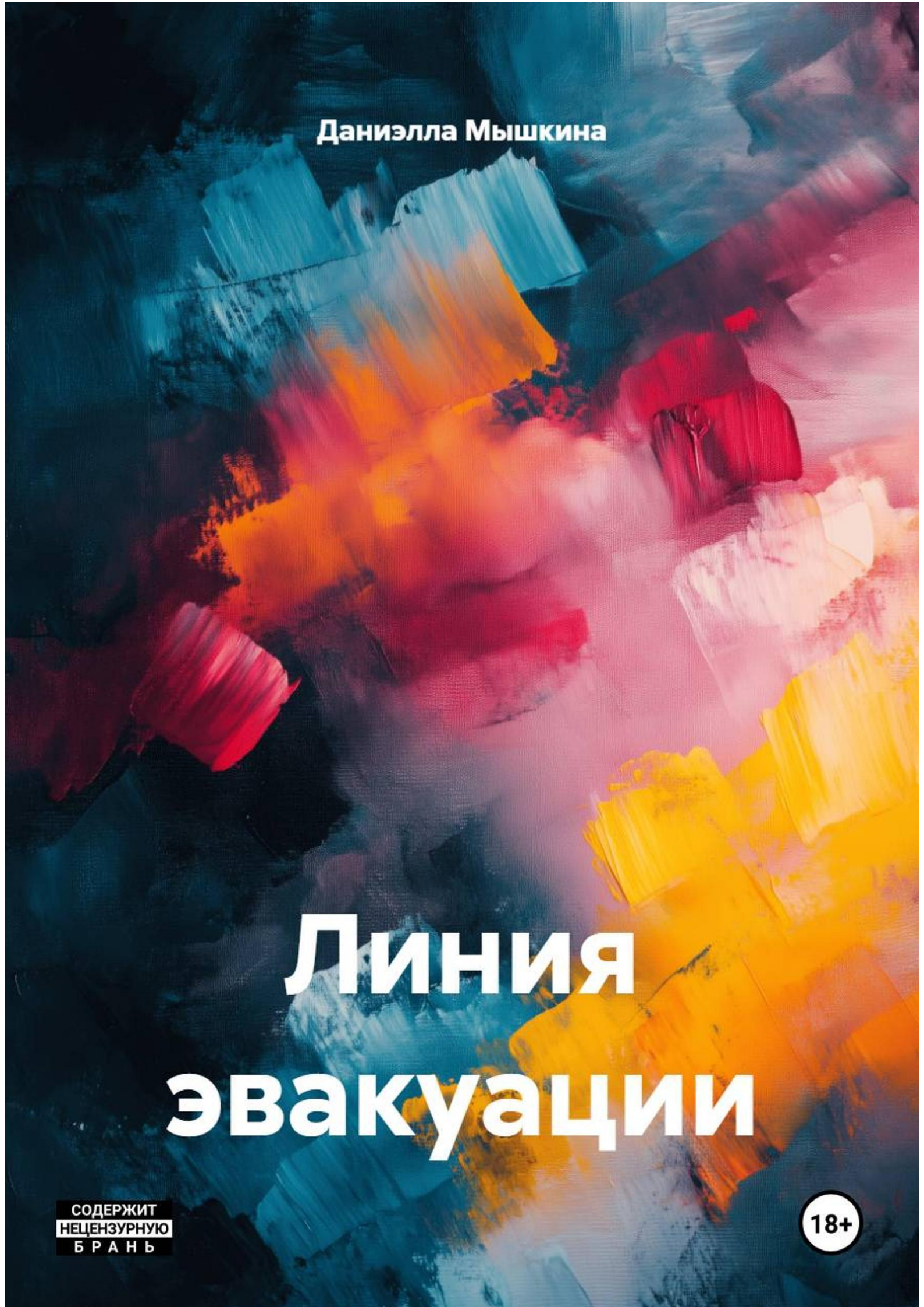
Даниэлла Мышкина
Линия эвакуации
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Даниэлла Мышкина

Линия эвакуации

«Автор»
2026

Мышкина Д.

Линия эвакуации / Д. Мышкина — «Автор», 2026

Судьба имеет своеобразное чувство юмора - порой она преподносит подарки, несовместимые с жизнью.

© Мышкина Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Даниэлла Мышкина
Линия эвакуации

Глава 1

Нет подходящего времени для прощания, как и нет подходящего дня. И всегда слишком рано.
Катерин Херцог «Книжная деревушка в Шотландии»

17 ноября 2026
Эдинбург, Шотландия

Пробуждение ощущается, как падение в болото. Холодное. Сырое. Не приносящее ни единого приятного чувства. Голова, словно свинцом налитая, при каждом движении напоминает о том, что умереть вчера от алкогольной интоксикации было куда желательнее, чем вернуться домой. Собравшись с силами, Себастиан поднимается с постели. Бредёт в сторону ванной, еле перебирая ногами и стараясь ни чем более не шевелить. Попутно заглядывает в соседнюю комнату. Смотрит на идеальный порядок, заправленную постель. Цепляется взглядом за открытую книгу, лежащую поверх чуть смятого пледа. Кажется, что хозяин этих вещей только что вышел отсюда, и, поднимись Себастиан чуть раньше, мог бы наблюдать его лежащим поперёк кровати, неизменно жующим овощные снеки и читающим. Он вздыхает, опирается плечом о дверной косяк. Улыбается мягко, оглядывая пространство комнаты, словно видит её в первый раз. Здесь светло. Он бы даже сказал, что уютно. Проходит к окнам, осторожно закрывает их и поправляет яркие шторы с совершенно безумным орнаментом. Проходит к кровати, присаживается на край и тянется к книге. Берёт её в руки, бегло читает первые попавшийся предложения. Морщится. «Как он это читает?». Запоминает номер страницы и закрывает. Рассматривает на обложке почти каррикатурное изображение домика, зажатого между книгами. Смотрит на название и фыркает смешливо.

— «Книжная деревушка в Шотландии», — скользит пальцем по материалу обложки. — Действительно, что ещё можно читать с таким упоением. Лёгкие романчики про книжный магазинчик, — поворачивает книгу и замирает, когда из неё что-то выпадает и приземляется прямо у ног. Забывает о головной боли, о тошноте, о книге и о номере страницы, на которой она была открыта. Смотрит испуганно вниз. Впивается взглядом в так удачно упавший лицевой стороной бумажный конверт. На нём аккуратная надпись. Аккуратная настолько, насколько это позволил невероятно размашистый и зачастую нечитаемый почерк автора письма.

«Себастиану Раду. До востребования. Нет. До обнаружения. Когда-нибудь ты заглянешь в эту книгу. Если не заглянешь, тоже будет неплохо. С любовью и непозволительно глубоким уважением»

В конверт он не заглядывает. Даже с пола его не поднимает. Открывает книгу на первой попавшейся странице и возвращает на место. Торопливо покидает комнату и направляется в ванную. Его рвёт. Похмелье это или проклятый конверт. Не важно. Плачет. От сводящих с ума спазмов при каждом позыве или от мысли о возможном содержании грёбанного письма. Неважно. Важно лишь то, что нужно привести себя в порядок. С этой мыслью, почти ползком добирается до душевой кабины. Поднимается в полный рост и добавляет стресса организму контрастным душем. Не сдерживается. Кричит всякий раз, когда температура воды меняется. Возможно, настолько громко, что его слышат соседи. Возможно, ему снова придётся встречать наряд полиции. Моется. Тщательно, словно вместе с грязью пытается снять с себя несколько

слоёв кожи. А после долго стоит под струями воды, пытаясь собраться с мыслями. Сегодня важный день, и он не имеет права упустить из-под контроля всё. Ему нужны нерушимые основы. Ритуалы. Выработанные годами. Вросшие под кожу. Выполняет всё по привычному алгоритму: чистит зубы, приводит в порядок бороду, наносит на лицо крем, делает укладку. После рассматривает своё отражение и недовольно морщится.

— Да, Себастиан, эти дни выдались сложными, — произносит задумчиво и замолкает, рассматривая залёгшие под глазами тени и осунувшееся лицо, — того и гляди ласты склеишь, — впивается взглядом в глаза в зеркале, пустые и почти безжизненные, — или ты уже? А, Себ? Соберись, тряпка.

Разворачивается и уходит, захватив по пути халат с крючка на двери ванной, надевает его на ходу, не озадачиваясь тем, чтоб запахнуть полы и завязать пояс. При всём желании не сумеет выполнить эти действия самостоятельно. На кухне первым делом включает кофемашину. Варит две порции эспрессо. Одну дополняет щепотью корицы. Во вторую добавляет горячей воды, молоко и три ложки сахара. Крутит головой в поисках упаковки маршмеллоу, не находит и глухо матерится. Поочерёдно открывает все ящики. Безрезультатно. Но в последнем натыкается на ряд баночек с рецептурными препаратами, ворчит о том, что это дерьмо не помогает совершенно, и с громким хлопком закрывает дверцу. Выпивает свой эспрессо одним глотком. Делает ещё одну порцию уже без корицы и ставит на стол. Вспоминает, что забыл о важной мелочи. Выходит в коридор, лезет в карман своего пальто, выуживает из него купленные вчера три батончика с орехами. Один открывает и оставляет на блюдце рядом с кружкой, наполненной омерзительно сладкой жижей, мало напоминающей кофе. Сколько здесь вообще сахара? Месячная доза? Как можно не разжиреть на таких ежедневных пайках. Садится за стол и медленно выпивает свой горький с кислинкой кофе. Смотрит на часы.

— Есть ещё четыре часа, — проговаривает сам себе, — нужно одеться и…

Закончить мысль не даёт телефонный звонок. Себастиан подвисает на несколько секунд, бросает взгляд на экран гаджета. Лим Юнги.

— Ты — не тот человек, которого мне хотелось бы слышать сегодня, — говорит, едва подняв трубку.

— Ну, прости, мужик, — парирует Юнги, — придётся потерпеть, потому что мы сейчас ещё и увидимся.

Себастиан закатывает глаза в возмущении, но бросает взгляд за окно. На парковке у дома останавливается такси. Стоит минуту, после дверь открывается и из него выходит Лим. С неизменной сумкой через плечо и с букетом цветов. Смотрит по сторонам, и уверенным шагом направляется к крыльцу. Сразу же раздаётся трель дверного звонка.

— Ты не тот человек, которого я хотел бы видеть сегодня, — говорит, игнорируя разрывающую голову мелодию.

— Тебе нужна помощь, — не спрашивает, утверждает и, судя по всему, не планирует прекратить зажимать кнопку звонка.

— Я не одет, — уведомляет в надежде, что это хоть как-то смутит незваного гостя и заставит его передумать

— Просто открой дверь.

Себастиан сбрасывает вызов. Сжимает пальцами переносицу и замирает. Но человек за дверью замереть не планирует. К трели, разносящейся по всему дому, добавляется стук.

— Какой упёртый баран, а, — поднимается и идёт к двери. Не заботится о том, как выглядит сейчас, рывком открывает дверь. Встречается взглядом с Юнги.

— Хреново выглядишь, — говорит тот, скользит взглядом ниже, цепляет полы халата, запахивает их и завязывает пояс. — Где? — спрашивает, проскальзывая под рукой ошарашенного Себастиана, снимает ботинки. — Сегодня будет очень туманно. Уже начал наползать. Думаю, что в момент погребения Маунт Вернон полностью затянет.

— Я слышу нотки восторга в твоём голосе, — ворчит, закрывая дверь, смотрит в спину уходящего в глубь коридора Юнги. — Что ты ищешь?

— Руку! — кричит из комнаты, затихает на какое-то время. — Я впервые в Шотландии! Наслышан о здешних туманах! Жаль, что повод не располагает! Где?

Себастиан уверен, что он не способен закатить глаза ещё дальше, чем сейчас.

— Нашёл! — раздаётся из комнаты и в коридор выходит Юнги с бионическим протезом и всем необходимым в руках. — В душе был, — констатирует осматривая Себастиана. — Давай сделаем это, — цепляет его за руку и тянет на кухню, усаживает на стул. — Снимай.

— Какого хрена ты вообще делаешь? — раздражённо спрашивает.

— Я делаю то, что, судя по всему, сделать больше некому, а ты точно забьёшь хрен после первой неудачной попытки.

— Я не просил, — резко, раздраженно.

— А я и не спрашиваю, — парирует с присущей ему сдержанностью, — это обычное человеческое желание помочь.

— Я не просил, — повторяет, словно уже не для него, а для себя.

— Ты никогда никого ни о чем не просишь, — протирает и обрабатывает лайнер, — тебе вообще это не свойственно, — смотрит в глаза и сам тянет с правого плеча халат, — в этом твоя проблема, Себ.

— Ты учить меня приехал? — отстраняется, — если да, то можешь идти нахрен.

— Обязательно пойду, — смотрит на часы. — Через полчаса за мной приедут, — больше не говорит, не отвечает на раздраженные и колкие реплики Себастиана. Обрабатывает культю, осматривает шрамы на ней. Наносит крем. Пока выжидает полного впитывания, озвучивает только совет о необходимости показаться специалисту:

— Шрамы рубцуются. Это должно быть очень дискомфортно. Тебе бы обратиться к врачу, — смотрит на опустившего голову Себастиана. — Я оставлю контакты хорошего специалиста, — надевает на культю лайнер, следя за полным прилеганием. — Надеюсь, что хоть к нему ты обратишься, — вставляет культю в гильзу протеза. — Правильно села? — поправляет, дожидается, когда сработает вакуумный механизм.

— Спасибо, — сжимает и разжимает ладонь бионической руки, — Правда, спасибо.

— Не за что. — легко ударяет кулаком в плечо, — просить звонить, если что-то нужно, не буду, не позвонишь, — направляется в коридор, — на кофе не останусь. Провожать не надо. Не упусти время, закажи такси пораньше. Туман.

Себастиан не провожает. Наклоняется вперёд, опираясь локтями в колени. Прислушивается. Щёлкает замок входной двери. За окном слышно тарахтение двигателя автомобиля и хлопок двери. И наступает тишина.

Тишина сопровождает его во время сборов, в поездке на такси. Тишина же встречает его у утопающих в тумане ворот Маунт Вернон.

Туман белой простыней стелется среди надгробий. Расползается по дорожкам кладбища. Себастиан прячет левую руку в карман пальто, склоняет голову и замирает. Смотрит в полупрозрачную дымку, по щиколотку окутавшую ноги, и ёжится от пробежавшего по спине холодка. Он уверен, если долго вот так всматриваться, выяснится, что эта белая мразь — живая, сплетённая из неупокоенных духов и людских страхов. И стоит потерять бдительность хоть на секунду, она утащит. Поглотит. Вытряхнет тельце, превращая его в мешок с костями, а ничтожную душонку скормит уродливым слизням на дне самой тёмной лощины. И он знает, что заслужил это. Доигрался. Допрыгался. Поднимает голову к затянутому тучами небу и выдыхает. Медленно. Тяжело. Ему бы набраться сил и пройти проклятые пятьсот метров. А позже выстоять. Не заскулить побитым псом во время траурной речи. Матерится глухо и разворачивается на пятках. Уверенно идёт в обратном направлении. Нестерпимо хочется покинуть это место. Вернуться в дом с белой дверью, с парящими шарообразными кашпо, развешанными

вдоль забора, и яркими цветочными горшками у стены под окном кухни на Редфорд Авеню. Хочется остаться в той маленькой кухоньке. Застыть каменным изваянием, пропитанным чувством вины и нестихаемой болью. Останавливается и запускает пятерню в волосы, сжимает.

— Себ, ты в порядке?

Тихий вопрос звучит совсем рядом, и Себастиан дёргается всем телом. Снова матерится и наклоняется вперёд, упираясь руками в задрожавшие от испуга колени. Поднимает голову и смотрит на стоящего рядом мужчину. Тот едва заметно приподнимает уголки губ с тихим «Дыши, громила», вызывая такую же чуть живую недоулыбку. Будь это другое место и другой повод для встречи, они наверняка посмеялись бы над тем, что бесстрашный отставной следователь управления по расследованию организованной преступности и терроризма Румынии, как девчонка, пугается каждого неожиданного шороха. Себастиан выпрямляется в полный рост, прячет левую руку в карман пальто и смотрит в глаза. Без вызова, без привычной потребности просканировать и подавить собеседника. Открыто и спокойно. Всматривается, как несколько минут назад всматривался в туман. Юнги тоже кажется способным поглотить и утащить в неизвестном направлении. Смотрит своими лисьими глазами. Шарит взглядом по лицу, пытаясь увидеть на нём хоть какую-то явную эмоцию. Снова безрезультатно. Хмыкает, столкнувшись с застывшей маской спокойствия, и Себастиан этому невольно улыбается. Юнги в его жизни — словно идеальная бусина из драгоценного камня в коробке с бракованным китайским бисером. С самой первой встречи было ощущение ненормальности его присутствия. Первое время он раздражал до скрежета зубовного. Вынуждал излишне часто рефлексировать по поводу своего отношения к нему, к себе, к происходящему.

— Я не в порядке, — отвечает тихо, не скрывая.

Юнги в ответ кивает. Ему ли, своим ли мыслям, кто ж разберёт, что в его голове происходит.

— Вы были близки, — спокойно констатирует всем известный факт, не разрывая зрительного контакта, и зеркалит позу Себастиана: убирает левую руку в карман куртки и чуть склоняет голову к плечу, — Себ, я… — мнётся, прикусывает губу и делает неуверенный шаг ближе, — я, правда, даже предположить не могу, насколько тебе сейчас сложно. Но ты обязан присутствовать. Хотя бы потому что он…

— Ему ведь сейчас уже всё равно, — пытается объяснить своё желание сбежать. Понимает, что это грязный приём — спихнуть своё продиктованное трусостью решение на кого-то.

— Тебе не всё равно, — чеканит Юнги. — Ты едва ли не единственный, кто здесь искренне скорбит.

Себастиан снова разворачивается в направлении места погребения. Бросает взгляд на затянутое туманом кладбище. Поворачивается к Юнги. Снова смотрит перед собой. Наблюдает за подготовкой к церемонии. Опять смотрит на Юнги.

— Выпьешь со мной?

— Что?

— Выпьешь со мной? После того, как …— кивает в сторону, прекрасно зная, что его поймут правильно.

— Да, — соглашается, не раздумывая, — нам пора, Себ.

— Пора, — не дожидается реакции и быстрым шагом, чтобы не дать себе возможности снова отступить, направляется к постепенно стекающимся к месту людям. Останавливается в десятке метров от могилы и застывает. Впивается хмурым взглядом в спину Макнамара. Явился всё же. И как только наглости хватило? Тот, словно почувствовав его приближение, медленно оборачивается и коротко кивает. Себастиан кивает в ответ, но неосознанно сжимает кулаки и отступает назад. Сбежать ему не позволяет остановившийся за спиной Юнги.

— Ты не сможешь вечно от него бегать, — тихо говорит Юнги, — церемония почти началась. Соберись уже.

— Он тебя подослал, да? — разворачивается к собеседнику. — Он, да? — указывает рукой на стоящий на подставках гроб. — Он, что, не смог себе позволить оставить меня без занозы в заднице?

— Мне с ним не сравниться, — кривит губы с неживой улыбке. — Ты должен сейчас собраться, отстоять службу, — меняется в лице, становится привычно холодным и только чуть прищуренные глаза выдают поднимающийся в нём гнев, — а потом, когда мы уйдём отсюда, ты можешь хоть до посинения язвить, злиться, плакать, если тебе угодно, можешь даже Макнамаре пересчитать его зубищи, я поддержу, — тычет пальцем в грудь. — Но сейчас ты пойдешь туда, понял меня? Можешь считать это приказом.

Себастиан сжимает челюсти, дышит часто и неровно, смотрит на Юнги совершенно растерянным и злым взглядом. Какого вообще черта, этот полуросли тут раскомандовался?

— Ты не можешь раздавать мне приказы, — бубнит тихо, понимая, что спорить бесполезно. — Я уже три года в отставке.

— Да мне похрен, — равнодушно отвечает, цепляет Себастиана за рукав пальто и тянет за собой.

— Чёрт с тобой, — раздражённо выпаливает, смотря на стоящих впереди людей, тихо переговаривающихся между собой. Сжимает руки в кулаки. Намеренно встает рядом с Макнамарой, чтоб не прожигать его взглядом. Обращает всё своё внимание человеку, по которому будет тосковать все оставшиеся ему годы. Пропускает почти всю речь. Приходит в себя, когда женщина, стоящая чуть дальше, не сдерживается и всхлипывает. Он даже не знает, кем она была усопшему. Не сестра точно. Матери у него не было. И женат он не был. Девушка? Была ли у него девушка до того, как всё закрутилось? Подруга? Себастиан переводит взгляд сначала на волынщика, склонившего голову и ожидающего окончания речи. Потом — на мужчину, произносящего речь. Брендон Маклин — помощник Старшего Констебля шотландской полиции. В его ведении служба по борьбе с организованной преступностью и контртерроризм. Он единственный из всех присутствующих одет в парадную форму. Себастиан уверен, присутствие волынщика тоже обеспечено им лично. Жаль, не получилось устроить полноценные похороны с заслуженными почестями. Но, мужчина, отдавший всю свою жизнь службе в полиции, оказался недостоин этого.

— Наши мертвые никогда не умирают, — говорит Брендон, — пока мы их не забудем. Он ушёл, но его смех и его дух останутся с нами — в шуме ветра, в звуках волынки, в наших сердцах. Покойся с миром, дорогой друг. Мы будем скучать по тебе до тех пор, пока мы снова не встретимся.

Отступает, закончив речь. Кивает волынщику, и тишину кладбища разрывает плач волынки и традиционная шотландская «Flowers of the Forest». Ранее всхлипывавшая и бесконечно вытирающая салфеткой нос женщина, начинает плакать. Сжимается вся и прячет лицо в ладонях. Себастиан не выдерживает. Подходит к ней с тихим вопросительным и почти жалобным «Мэм?». Обнимает. Прижимает дрожащей рукой её голову к своей груди. Он готов сделать что угодно, лишь бы прекратить это. Она же, почувствовав поддержку и сострадание, больше не сдерживается, заходится рыданиями. И вместе с траурной мелодией и тихим звуком механизма, опускающего гроб на дно могилы, это звучит как начало конца.

8 ноября 2021 года

Сидней, Австралия

— Стоять! — рявкает Крис, забегая в помещение. — Всем стоять! — для подтверждения серьёзности своих намерений стреляет вверх, даже не жмурится, когда с простреленного потолка сыпется бетонная крошка. Для закрепления эффекта производит ещё один выстрел — рядом с ногами одного из мордоворотов в маске. Хмыкает заметив в его глазах испуг, моментально сменившийся гневом.

— Оружие на пол! Руки за голову!

Он бы сейчас, наблюдая за прилежным исполнением своей команды, ещё и танец победный станцевал. Прямо здесь, на глазах у этих бедолаг. И неважно, его ли эффектное появление стало причиной смиренности задержанных или приличное количество распределеющихся по помещению склада вооружённых и затянутых в бронежилеты штурмовиков, раздающих бодрящие пинки и тычки тем, кто не особо изъявляет желание быть закованным в наручники. Он точно станцует дома. Или в участке. Имеет полное право. Так утомился бегать за этими недобизнесменами, что ещё пару месяцев назад был готов передать дело кому-нибудь и забыть, как страшный сон. Смотрит на коробки, расставленные на металлических столах и вдоль голых бетонных стен.

— Проверили? — обращается к офицеру штурмовой группы.

— Когда бы успели, — язвит офицер, — с тобой же вместе зашли.

— После меня, — отстранённо уточняет Крис и идёт к столам.

— Тем более, — закатывает глаза, искренне прося у всевышнего чуть больше терпения, чем ему положено, и следует за Крисом. Он давно знает, что напоминать Крису Мартину о правилах бесполезно. Просить не совать свой зад под пули — бесполезно. Просить не пытаться шутить — бесполезно. Главное в работе с ним — помнить, это самый невыносимый агент австралийской федеральной полиции.

Тот уже надевает перчатки, подзывает к себе одного из полицейских, просит включить видеозапись на телефоне, отмахивается от замечания, что следует дождаться группу экспертов, и открывает коробку с ярким рисунком и надписью «Детское питание».

— Внутри пакеты с белым порошком, — поднимает один из них, крутит в руках, рассматривая. — Сомневаюсь, что это детская смесь, — под камерой кладёт пакет на стол и аккуратно вскрывает ножом.

— Можно подумать, ты знаешь, что дальше делать, — раздаётся язвительное со стороны выстроенных вдоль стены задержанных.

Крис замирает, сверля раздраженным взглядом надрезанный пакет. Оборачивается. Ищет глазами того, кто сказал. Ухмыляется, узнав в мужчине мордоворота, под ноги которого стрелял несколько минут назад.

— Подсказать? — спрашивает тот, не двигаясь с места.

— Показать, — отступает на шаг, — сюда иди.

Мужчина неторопливо подходит к столу. Смотрит на Криса с нескрываемым раздражением.

— Наручники сними, — не просит — требует.

— Ложку и зажигалку дать? Употребишь? — спокойно спрашивает, игнорируя резкую перемену в лице мужчины.

— Я не употребляю, — отступает на шаг, всем видом показывая насколько ему противна сама мысль об этом.

— Это же исправимо, бро, — вскидывает бровь, — тебе ли не знать, а, — делает шаг к нему, резко хватает за волосы и впечатывает лицом в пакет. Белый порошок облаком взлетает вверх, сыпется на пол, на стоящих рядом людей. Крис для надежности пару раз тычет мужчину в стол, как нагадившего котенка в его ссаное произведение, и резко поднимает, заглядывая в глаза. — Ну что? Привкус имеется? А? А запах?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.